

ШЕСТЬ НА ПЯТЬ: СОВЕТСКИЕ И ЭМИГРАНТСКИЕ ИСТОРИКИ НА VII МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

VII Международный конгресс историков состоялся в августе 1933 г. в Варшаве. Это событие — важная веха в конструировании коммуникативного поля гуманитариев в период между двумя мировыми войнами. В отечественной исследовательской литературе при освещении международных конгрессов данного периода (1923, 1928, 1933) в качестве приоритетной выделена тема особенностей презентации советской исторической науки мировому научному сообществу. Тема же представления русской науки как таковой, трагического ее разрыва на эмигрантскую и советскую ветви и, соответственно, контактов советских и эмигрантских историков освещена весьма эпизодически. Хотя нельзя не отметить, что сюжеты, связанные с особенностями и трудностями коммуникации, даже драматическими коллизиями между советскими и эмигрантскими историками, славистами, возникающие на полях профильных конференций и иных дисциплинарных коммуникативных площадок, нашли отражение в современной историографии. Сошлемся на информативные в этом плане работы М. Ю. Досталь, Е. П. Аксеновой, М. П. Мохначевой, В. С. Груздинской, З. С. Бочаровой¹.

¹ См., например: *Досталь М. Ю.* Российские историки-эмигранты и советские слависты: Проблема взаимоотношений // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии: Сборник статей / Под ред. М. Ю. Досталь. М., 2008. С. 80–89; *Аксенова Е. П.* 1) Федерация исторических обществ Восточной Европы и русские ученые-эмигранты // Славянский альманах: 2013. М., 2014; 2) Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А. В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. М., 1994. С. 95–100; 3) Восприятие в СССР науки русского зарубежья в 1920–1930-е годы // Славянский альманах. 1997. № 3/13, С. 130–142; *Мохначева М. П.* Советская историческая наука на международных научных форумах: Истоки несостоявшегося диалога // Советская исто-

В качестве самостоятельной исследовательской проблемы диалог историков-эмигрантов и советских ученых получил освещение в коллективной монографии омских историографов «Из двух углов: Отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.)»². Такой ракурс исследования, с пристальным вниманием к многочисленным коммуникативным площадкам, в том числе и в рамках конгрессов в Осло и Варшаве, позволил представить особенности формирования различных исследовательских нарративов, актуализировать проблематику гетерогенности отечественного научного сообщества, особенно в периоды социальных потрясений и смены/поиска новых методологических оснований и, по большому счету, обозначить конструирование альтернативных образов исторической науки. Авторы монографии пришли к выводу о том, что «продуктивный диалог между советскими и эмигрантскими историками не состоялся»³, не заметен зеркальный интерес к трудам коллег, оказавшимся по разные стороны государственной границы. Более он был представлен в эмигрантской прессе, в советской же исторической периодике пульс эмигрантской исторической науки едва прослушивался.

Пожалуй, ход VII конгресса и подготовка к нему позволяют несколько скорректировать ранее высказанную нами позицию. Это тот случай, когда взаимный интерес был налицо и нашел свое отражение в публикациях, вышедших из-под пера как эмигрантских, так и советских авторов. Заявленный нами проблемный ракурс исследования позволяет более полно охарактеризовать и сам Варшавский конгресс, который представлен в исследовательской литературе весьма фрагментарно. В качестве исключения назовем работу Карла Дитриха Эрдмана, посвятившего ему отдельную главу монографии под названием «Варшава, 21–27 августа, Краков, 28 августа. 1933. VII Конгресс»⁴. Автор отмечает, что, несмотря на напряженную международную обстановку, сказывающуюся на поведении историков, по-разному оценивающих процесс фашизации в ряде стран, на Конгрессе царилла благожелательная атмосфера. По его мнению, миссия Конгресса в служении «не только науке, но и разуму»⁵. И свою миссию Конгресс выполнил. Характеризуя подготовительный этап этого форума, К. Д. Эрдман обращает внимание на отстаивание научным сообществом идеи свободы творчества в условиях нарастающих тоталитарных тенденций в европейских государствах. Интересующая нас проблема взаимоотношений эмигрантских и советских историков в работе не представлена, но ее автор дает краткий обзор выступлений представителей советской делегации.

риография / Под общ. ред. акад. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 78–123; *Груздинская В. С.* Международный конгресс исторических наук в Осло как коммуникативная площадка советских и эмигрантских ученых // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2021. № 71. С. 97–103; *Бочарова З. С.* Феномен зарубежной России 1920-х годов. СПб., 2021. С. 295–303.

² *Волошина В. Ю., Груздинская В. С., Колеватов Д. М., Корзун В. П.* Из двух углов: Отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.). Омск, 2020. 336 с.

³ *Волошина В. Ю., Груздинская В. С., Колеватов Д. М., Корзун В. П.* Из двух углов... С. 267.

⁴ *Erdmann K. D.* Die Ökumene der Historiker. Geschichte der Internationalen Historikerkongresse und des Comité International des Sciences Historiques. Göttingen. 1987. P. 190–220.

⁵ *Erdmann K. D.* Die Ökumene der Historiker P. 190.

В предлагаемой читателю статье мы опираемся на отчеты и отчетные доклады участников конгресса, представленные в советских научных изданиях («Историк-марксист», «Борьба классов»), в эмигрантской периодике («Россия и славянство»), в зарубежных европейских обзорах («Revue historique de droit français et étranger»), документы делопроизводства Института истории Комакадемии (Архив Российской академии наук, далее — АРАН. Ф. 359) и личного фонда А.В. Флоровского (АРАН. Ф. 1609). В методологическом плане мы обращаемся к наработкам в области социальной истории науки и используем в качестве опорных категории «коммуникативная площадка» и «коммуникативное плато». Коммуникативный подход включается в современное междисциплинарное направление, получившее название «культурной дипломатии», в него входит и презентация науки, направленная на формирование ее позитивного образа. Согласно концепции Ф. Баргхорна, существует тесная связь культурной дипломатии с пропагандистскими целями государства. И хотя эти положения американского исследователя в настоящее время признаются слишком прямолинейными, упрощающими представления о реальном процессе интеллектуальных трансферов⁶, применительно к раннесоветским опытам презентации науки за рубежом они вполне релевантны.

«ПАРАД НАУЧНЫХ СИЛ В ВАРШАВЕ»: ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И РЕГЛАМЕНТ

Международные конгрессы исторических наук, проводимые раз в пять лет, имеют длительную историю, начало которой приходится на 1900 г. Постепенно происходит процесс внутренней институционализации и складывания важной формы сотрудничества, направленной на создание глобального сообщества историков. С 1926 г. процесс координировался Международным комитетом исторических наук (МКИН). В основу его работы было положено представительство государств, поэтому за непосредственную организацию конгрессов отвечали национальные комитеты тех стран, в которых они проводились⁷. Советские историки в составе отдельной делегации впервые приняли участие в VI конгрессе в Осло в 1928 г.

Рассматривая контекст эпохи межвоенного периода, когда проходили конгрессы, современные историки фиксируют изменения социального облика научного сообщества, институционального обеспечения и интернационального устройства мировой науки. Отмечается общий тренд перехода от наднациональной к государственно регулируемой

⁶ См. об этом: Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989/ Научн. ред. О. С. Нагорная М., 2008. С. 5, 8–22.

⁷ Международный комитет исторических наук (Comité international des Sciences historiques, ICHS/CISH) — международная ассоциация исторических наук, которая была создана как неправительственная организация в Женеве 14 мая 1926 г. В настоящее время состоит из национальных комитетов и международных аффилированных организаций, занимающихся исследованиями и научными публикациями во всех областях исторического знания. Издаёт «Информационный бюллетень» (Comité international des sciences historiques. Bulletin d'information. 1926–1939, 1946–). Президентом МКИН в 1926–1933 гг. был Хольвдан Кут (1873–1965) — норвежский историк, политический и государственный деятель, в 1933–1938 гг. — проф. Гарольд Уильям Вазейл Темперлей (1879–1939) — английский историк и политический деятель) (Желенина И. А. Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966. С. 282).

национальной модели науки, что неизбежно сопровождалось ее бюрократизацией и возрастанием роли прикладных, зачастую заказных, исследований⁸.

Тем не менее, в новых условиях международные конгрессы исторических наук оставались важной коммуникативной площадкой для трансфера идей, выявления инновационных направлений научной мысли, для взаимного обсуждения учеными различных стран актуальных проблем развития исторического знания, ибо наука коммуникативна по своей сути.

VII конгресс исторических наук проходил в Варшаве с 21 по 28 августа 1933 г. Это был первый конгресс, проводившийся в славянской стране, и неслучайно здесь ставился вопрос о признании в качестве рабочего, наряду с немецким, французским, английским, итальянским и испанским, одного из славянских языков⁹. В Польшу прибыли 1210 человек¹⁰ из 40 стран Европы, Азии, Африки и Америки, включая делегатов и гостей. По образному определению А. В. Флоровского, это «был парад научных сил в Варшаве». Самой многочисленной по количеству докладов и участников была польская делегация (83 доклада), на втором месте — итальянская (63), затем французская (51), немецкая (27); бельгийская, венгерская, австрийская, чехословацкая делегации представили по 8–10 докладов, остальные делегации оказались еще менее представительными.

Власти придавали большое политическое значение Варшавскому конгрессу — он должен был показать достижения независимой Польши на новом этапе ее истории, когда она «снова могла занять подобающее ей место в ряду крупных держав»¹¹. По мнению участника конгресса, крупнейшего историка права, представлявшего французскую науку, Франсуа Оливье-Мартена, организация конгресса, его культурная программа с выставками и экскурсиями, тематика докладов и пафос выступлений польских представителей свидетельствовали о том, что страна «всеми способами стремится вернуть себе статус великой державы»¹². Действительно, уровень представительства польской стороны на конгрессе был очень высокий. Почетным председателем был избран маршал Ю. Пилсудский¹³. На открытии присутствовали президент Польской республики И. Мосцицкий¹⁴, премьер-

⁸ См., например: *Дмитриев А. Н.* От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э. И. Колчинского, Д. Байрау, Ю. А. Лайус. СПб., 2007. С. 56; Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 2003. С. 992–1000.

⁹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 47. Л. 7.

¹⁰ В литературе имеются разногласия относительно численного состава присутствующих на конгрессе. По другим данным в работе конгресса участвовали 1100 человек. См.: Хроника работ конгресса: Дневник работ конгресса // Борьба классов. 1933. № 10. Октябрь. С. 87.

¹¹ Цит по: *Панкратова А.* Советская делегация и польская общественность // Историк-марксист. 1933. № 5 (033). С. 131.

¹² *Olivier-Martin Fr.* Le congrès historique de Varsovie // Revue historique de droit français et étranger (1922–), Quatrième série. 1933. Vol. 12. No. 3. P. 527.

¹³ Пилсудский Юзеф (1867–1935) — польский государственный, политический и военный деятель, первый глава Польской республики (1918–1922), премьер-министр (1926–1928, 1930), основатель польской армии, маршал.

¹⁴ Мосцицкий Игнаций (1867–1946) — III Президент Польши (1926–1939).

министр Я. Енджеевич¹⁵, выступивший с большой речью, министры, кардинал и весь дипломатический корпус. Среди делегатов конгресса были бывшие и действующие правительственные, политические и религиозные деятели других стран.

Я. Енджеевич в своей речи «О создателях и исследователях истории» подчеркивал необходимость теснейшего союза между теми, кто «исследует историческую правду», то есть историками, и теми, «кто творит правду живую, правду истории», то есть политиками, ибо «как тот, кто судит о прошлом, так и тот, кто сам будет предметом суждения будущих поколений, держат руку на пульсе человечества»¹⁶. Исторические исследования привлекались при этом как решающий аргумент в обосновании геополитических планов польского государства. Организаторы высказывали уверенность в том, что сам факт созыва Международного исторического конгресса в Польше направит интерес многих иностранных исследователей на изучение польской истории и культуры, что неизбежно будет способствовать росту ее авторитета.

Несколько иначе видели цели конгресса ученые. Профессор М. Гандерсман¹⁷ накануне готовящегося форума дал большое интервью, в котором говорил, что «целью этого конгресса является научное сближение историков всего мира, когда предварительный личный контакт людей, знакомых раньше только по работам, создаст возможность выйти за границы своих стран, дает возможность распространить атмосферу приязни и доброжелательства и наладить известный общественный контакт, который облегчит издание ряда работ, в том числе и прежде всего, работ польских историков»¹⁸.

Изначально было подано 400 заявок на выступления, но 73 делегата по разным причинам не приехали. В числе отсутствующих оказались такие известные ученые, как М. Блок¹⁹, Ж. Буржен²⁰, А. Берр²¹, А. Пиренн²², А. Допш²³ и др. Между тем, еще ряд

¹⁵ Енджеевич Януш (1885–1951) — польский политик, премьер-министр Польши (1933–1934).

¹⁶ Цит. по: Панкратова А. Седьмой Международный конгресс исторических наук в Варшаве // Борьба классов. 1933. № 10. Октябрь. С. 4.

¹⁷ Гандерсман Марцели (1882–1945), польский историк еврейского происхождения, методолог истории, медиевист. Был соучредителем Международного исторического комитета, входил в оргкомитет по подготовке Варшавского конгресса.

¹⁸ Цит. по: Панкратова А. Советская делегация и польская общественность // Историк-марксист. 1933. № 5. С. 130.

¹⁹ Марк Блок (1886–1944) — французский историк-медиевист, занимавшийся социальной историей западноевропейского феодального общества и общими проблемами методологии истории. В интересующий нас период вместе с Л. Февром был директором и соредактором журнала «Анналы».

²⁰ Буржен Жорж (1879–1958) — французский историк, архивист, издатель. Был первым президентом Французского института социальной истории, секретарем Национальных архивов в Париже.

²¹ Анри Берр (1863–1954) — французский историк и философ, основавший ряд парижских научных журналов, в том числе «Журнал синтеза».

²² Пиренн Анри (1862–1935) — бельгийский историк, медиевист, профессор Гентского университета.

²³ Допш Альфонс (1868–1953) — австрийский историк, профессор Венского университета, занимающийся проблемами аграрной истории западноевропейского средневековья.

докладчиков сняли выступления. По свидетельству В. П. Волгина, число прочитанных докладов к числу прибывших делегатов относилось примерно как 1:4²⁴.

В рамках конгресса работало 15 секций²⁵ и 13 специальных комиссий²⁶. В целях упорядочения работы и экономии времени оргкомитет заранее поделил выступления на 2 категории: доклады и сообщения. Тексты докладов, которые следовало прислать к 1 октября 1932 г., были напечатаны в «Бюллетене Международного комитета исторической науки», они уже не зачитывались на секциях, а авторы в выступлении должны были ограничиться кратким введением. К сообщениям были изданы только тезисы и их авторы получали по 30 минут на изложение/разъяснение своих взглядов. Оппонентам по регламенту давалось не более 5 минут²⁷. Согласно решению МКИН все научные доклады и сообщения принимались только в том случае, если на них имелось согласие национального комитета²⁸.

Тематика докладов была в известной степени случайной и зависела от сферы научных интересов участников конгресса. При подготовке на пленуме МКИН (Лондон, 1930) было внесено предложение наметить основные проблемы для обсуждения, вокруг которых могли бы сгруппироваться докладчики, то есть речь шла об элементах координации научных исследований и способах их презентации, но оно не получило поддержки. Позже появилась идея составления пятилетнего баланса проблематики к каждому очередному конгрессу, чтобы на его основе историки могли составить представление о научных интересах коллег²⁹. Одной из главных установок конгресса в Варшаве стала ориентация на консолидацию научного сообщества, на создание бесконфликтного коммуникативного поля, докладчикам рекомендовалось не касаться болезненных тем, связанных с мировой войной и ее виновниками, с современным революционным движением и т. д. В известной степени здесь были посеяны зерна для возвращения концепции «непротиворечивой истории». По словам К. Д. Эрдмана, во время подготовки и на самом конгрессе «удалось построить дамбы, которые не позволяли волнам

²⁴ Волгин В. П. Международный конгресс историков в Варшаве // Исторический сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 8.

²⁵ Секции вспомогательных наук и архивов; предистории и археологии; древней истории; средних веков и Византии; новой и новейшей истории; истории религий; истории права и учреждений; экономической и социальной истории; истории идей и философии; истории наук (чистых); истории литературы; истории искусств; методологии и теории истории; преподавания истории; истории Восточной Европы. См.: Хроника работ конгресса. Дневник работ конгресса // Борьба классов. 1933. № 10. Октябрь. С. 87.

²⁶ Специальные комиссии: сравнительно-исторической демографии; исторической географии; истории великих открытий и путешествий; истории банков и обмена; истории евреев; истории социальных движений; истории просвещенного абсолютизма; истории феодализма; истории гуманизма; истории колоний; военной истории. Численность специальных комиссий требует дополнительного изучения, поскольку в используемых нами источниках имеются расхождения. См.: Хроника работ конгресса: Дневник работ конгресса // Борьба классов. 1933. № 10. Октябрь. С. 87.

²⁷ Лукин Н. VII Международный исторический конгресс в Варшаве // Историк-марксист. 1933. № 5. С. 122.

²⁸ АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 241. Л. 17.

²⁹ Лукин Н. VII Международный исторический конгресс... С. 122.

политического волнения всколыхнуть спокойные воды научного конгресса»³⁰. Однако вскоре само поле коммуникаций было трагически разорвано Второй мировой войной.

«УЧЕНОГО УСПЕХА <...> НЕ БЫЛО»: СОВЕТСКАЯ НАУКА ГЛАЗАМИ ЭМИГРАНТА

Сразу по горячим следам только что закончившего свою работу VII Конгресса А. В. Флоровский³¹, входивший в состав чешской делегации, на страницах газеты «Россия и славянство»³² публикует развернутую статью об этом событии под характерным названием «Историки в Польше (Факты и впечатления)»³³. В личном фонде историка в Архиве РАН сохранились наброски этой статьи³⁴. Обратимся к анализу упомянутых источников. Факты, которые приводит позитивист Флоровский, представлены в виде статистики участников форума, секций и комиссий, хронологии мероприятия и не выбиваются из общего описания конгресса как представительства зарубежной науки, так и советскими авторами. Но более подробно и не только с анализом, но и «впечатлениями», то есть с нескрываемыми эмоциями, Флоровский описывает факт участия советской делегации в этом форуме и как контроверзу — эмигрантских историков с оценкой их собственного вклада в развитие русской науки. Это известный прием вглядывания в собственное отражение, который имеет давнюю традицию. Приступая к характеристике Конгресса и ядру своего повествования — сравнению двух ветвей некогда единой отечественной науки, — ученый делает важное замечание, актуальное для историков как в методологическом, так и в поведенческом и этическом планах — о соотношении истории и современности (политики). Для историка как исследователя прошлого, полагает Флоровский, важно подождать «результатов и плодов мирового кипения и брожения», но в то же время неизбежно приходится учитывать «момент сегодняшнего дня, соотношения политических сил», в том числе и на конгрессах. Любопытно, что и в завершении статьи историк вновь обращается к этой теме, правда в ином ракурсе, оправдывая «необъективную» позицию историков-эмигрантов складывающимися международными отношениями к началу 1930-х годов.

Флоровский с горечью отмечает, что «Русская историческая наука — под своим именем формально представляется только делегатами Советской власти, — для свободной же русской несоветской и антисоветской науки остается возможность участвовать в кон-

³⁰ Erdmann K. D. Die Ökumene der Historiker... P. 204.

³¹ Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968) — российский ученый, специализирующийся в области русской истории XVIII в. и истории русско-чешских отношений. С августа 1922 г. жил в эмиграции в Софии и Праге.

³² «Россия и славянство» (Париж, 1928–1934) — еженедельная газета, орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности. Редактор К. И. Зайцев. Выходила при ближайшем участии П. Б. Струве. До 1934 г. вышло 233 номера. Эта газета считается преемницей газеты «Россия», выходившей в Белграде в 1927–1928 гг. под редакцией П. Б. Струве. Она ставила своей целью объединение славянства как особого мира под началом сильной национальной России. В газете существовала рубрика «Россия и славянство. Славянская взаимность», в которой печатались видные ученые, политические и общественные деятели зарубежья.

³³ Флоровский А. В. Историки в Польше (Факты и впечатления) // Россия и славянство. Париж, 1933. № 225. Октябрь. С. 1, 5–6.

³⁴ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 47. Л. 2–9.

грессах в составе или под покровительством иностранных делегаций»³⁵. Эмигранты-историки были представлены пятью учеными: М. И. Ростовцевым, П. Н. Савицким, А. В. Флоровским, А. К. Елачичем и А. Н. Грабарем. Они олицетворяли, по мнению Флоровского, «русскую свободную историческую науку, верную лучшим традициям независимого исторического исследования и знания». Среди них первое место «по старшинству и по несравненным своим ученым заслугам» занимал профессор М. И. Ростовцев³⁶. Его доклады, передает свое восприятие автор статьи, отличались новизной и способом подачи материала, его манера поражала и завораживала слушателей. Ученый презентовал недавние свои открытия в районе древнего поселения на Евфрате Дура-Европос, развалины которого были обнаружены после Первой мировой войны. «Своей новизной открытия профессора Ростовцева несомненно с особой силой всколыхнули весь многочисленный состав конгресса»³⁷.

Доклады других участников конгресса, представляющих эмигрантскую ветвь историков, не удостоились какой-либо характеристики, обозначены лишь темы прочитанных докладов, тем не менее, им дается общая, весьма лестная оценка. Эмигрантские ученые, по словам, А. В. Флоровского, представили «плоды сосредоточенного, объективного изучения тех или иных явлений прошлого». Сам автор статьи выступил в секции экономической и социальной истории с докладом «*Quelques observations sur l'histoire des relations commerciales entre l'Europe et des pays de l'Europe Orientale*»³⁸. Как видим, перед нами — достаточно идеализированный коллективный портрет представителей русской эмиграции. Такая самопрезентация объясняется, конечно, и популярным характером газеты «Россия и славянство», ориентированной на читающую русскую эмигрантскую аудиторию. Автор несколько раз в тексте напрямую обращается к предполагаемому «русскому читателю».

А. В. Флоровский фиксирует внимание к вопросам российской истории не только со стороны отечественных, но и европейских историков. Русская тема звучала в проблемных блоках по истории Балтики, истории славянских народов и стран. Особую группу представляли доклады польских авторов о взаимоотношениях Польши и иных стран и народов, в том числе и России.

Значительное место в обзоре ученый уделяет советской делегации и процессу развития советской историографии. Это просматривается не только в анализируемом тексте, но и в составленных автором библиографических обзорах советской исторической литературы с выраженным вниманием к институциональным сюжетам. Он пристально

³⁵ Флоровский А. В. Историки в Польше... С. 1.

³⁶ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) — российский и американский (в эмиграции) историк-антиковед, археолог, публицист. Академик Российской и Берлинской академий наук, член-корреспондент Британской академии наук, профессор Петербургского и Йельского университетов, почетный доктор литературы Оксфордского университета.

³⁷ Флоровский А. В. Историки в Польше... С. 5.

³⁸ В докладе речь шла о торговых связях Чехии и Моравии со странами Восточной Европы, в том числе с Киевской и Московской Русью. Окрыленный положительными оценками на конгрессе, он предпринимает попытку напечатать его на страницах «Анналов». См. об этом: Волошина В. Ю., Корзун В. П. «Ответственные редакторы журналов по природе своей невыносимые существа». Письмо М. Блока А. В. Флоровскому. 1933 г. // Исторический архив. 2022. № 4 (175). С. 105–113.

следил за подготовкой советской делегации к Варшавскому конгрессу. Как известно, А. В. Флоровский — активный читатель советского журнала «Историк-марксист», библиографических изданий, выходящих в СССР, советской прессы, где периодически публиковались сюжеты с освещением итогов предыдущего конгресса в Осло и планы/заявки на будущее. По его мнению, советская сторона предполагала на конгрессе осуществить масштабное наступление «на европейском фронте буржуазной науки», для чего разрабатывалась соответствующая тактика. Планировалось воспрепятствовать участию в работе конгресса эмигрантским историкам, а многочисленным составом делегации (24 человека) подчеркнуть значимость советской исторической науки, показать превосходство марксистско-ленинской методологии. Однако этим планам не суждено было сбыться: историки «оказались далеко ниже тех заданий, которые ими предполагалось осуществить»³⁹. Так случилось потому, отмечает автор, что на рубеже 1920–1930-х годов в жизни науки в России произошли огромные перемены — «буржуазная», то есть независимая историческая мысль была подвергнута систематическому разгрому, вырвавшему из рядов активных научных работников ряд крупнейших ученых, десятки историков и деятелей научно-вспомогательных исторических и архивных учреждений⁴⁰.

В процессе подготовки сокращался круг участников советской делегации. Ко времени работы Варшавского конгресса ушел из жизни М. Н. Покровский, «признанный вождь советской исторической науки», под руководством которого готовилось «наступление на буржуазном фронте». Не состоялось запланированное участие Н. И. Бухарина и А. В. Луначарского. Доклады наркома просвещения «Метод диалектического материализма в истории литературы» и «Мистические течения в эпоху социального кризиса» (последний, кстати, был включен в повестку пленарного заседания) пришлось снять. По мнению А. В. Флоровского, неприезд Бухарина и Луначарского из списка участников снизило почти наполовину «интерес или скорее любопытство конгрессных посетителей к советской делегации»⁴¹.

Автор сообщает читателю о внимательно прослушанных им докладах советских историков (П. О. Горина⁴², В. П. Волгина⁴³, А. М. Панкратовой⁴⁴, Н. С. Державина⁴⁵ и П. Ф. Преображенского⁴⁶). Он констатирует, что «это были представители официальной историософической идеологии, которая знает только науку, проникнутую идеями

³⁹ Флоровский А. В. Историки в Польше... С. 5.

⁴⁰ Флоровский А. В. Историки в Польше... С. 1.

⁴¹ Флоровский А. В. Историки в Польше... С. 6.

⁴² Горин Павел Осипович (1900–1938) — историк, организатор науки, президент АН БССР (1931–1936)

⁴³ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) — советский историк, общественный деятель, ректор МГУ (1921–1925), академик АН СССР (1930), вице-президент АН СССР (1942–1953).

⁴⁴ Панкратова Анна Михайловна (1897–1957) — историк, партийный и общественный деятель, член-корреспондент (1939), академик АН СССР (1953), академик АН БССР (1940), академик АПН РСФСР (1944), главный редактор журнала «Вопросы истории» (1953–1957).

⁴⁵ Державин Николай Севастьянович (1877–1953) — филолог-славист, историк, ректор Петроградского университета (1922–1925), академик АН СССР (1931).

⁴⁶ Преображенский Петр Федорович (1894–1941) — историк, этнограф, профессор МГУ (1921–1937), член Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (1922–1929).

материализма и классовой борьбы, и которая признает всякую иную науку за лже-науку, за буржуазное славословие, за беллетристику»⁴⁷. Впрочем, среди выступивших он выделяет доклад А. М. Панкратовой «История заводов в СССР», характеризует его как «наиболее дельный», но не содержащий ничего нового в плане методологии. Подобную оценку доклада мы находим и в книге К. Д. Эрдмана⁴⁸. В целом, А. В. Флоровский отказывается в научности советской интерпретации исторического процесса. Он выделяет такие присущие ей черты: 1) упрощающий «до наивности классовый подход» в решении научных проблем, 2) «неотрывность исторической науки от текущей политики», 3) агрессивное непризнание иных, подходов «с заметной приправой марксово-ленинских идеологических специй»⁴⁹.

При этом в работах историографического характера ученый отмечал положительные тенденции и новации в развитии формирующейся советской исторической науки⁵⁰. Оценивая советскую делегацию, он обращал внимание на ее эпатажное провокационное поведение. С его точки зрения, если и можно было говорить о каком-то успехе, то только в смысле сенсационного интереса со стороны участников конгресса. Понимая гротескность ряда своих характеристик, А. В. Флоровский в конце статьи вновь возвращается к проблеме соотношения истории и политики. Он пытается оправдать позицию неприятия советского представления об историческом процессе. Показательно в этом плане его рассуждение о том, что русскому эмигранту в настоящее время, «время пактов и соглашений, в дни расцвета столь широкой признательности к “советам”» трудно сохранить объективность оценок советской исторической науки. Таким образом, он дистанцируется от первоначальных утверждений о независимости научного творчества от политики и, более того, завершая статью, призывает к политической акции: «...не пора ли именно в организованном порядке заклеить тот режим на “историческом фронте” в Советской России, который индивидуально для каждого независимого ученого есть насилие над свободным духом?»⁵¹

Проясняя феномен неприятия советской науки, обратим внимание и на влияние идеи о праве презентации русской науки в мировом научном сообществе исключительно историками-эмигрантами, она оставалась долгоиграющей и подпитывала неприязнь к советской историографии⁵².

АВТОПОРТРЕТ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В ИНТЕРЬЕРЕ БОРЬБЫ С ЭМИГРАНТСКОЙ И БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ

Советская делегация была представлена на конгрессе шестью историками: Н. П. Лукиным, П. О. Гориным, В. П. Волгиным, А. М. Панкратовой, Н. С. Держави-

⁴⁷ Флоровский А. В. Историки в Польше... С. 1.

⁴⁸ Erdmann K. D. Die Ökumene der Historiker... P. 208.

⁴⁹ Флоровский А. В. Историки в Польше... С. 5.

⁵⁰ Волошина В. Ю., Корзун В. П. Советская историческая наука в осмыслении А. В. Флоровского (1920–1930-е гг.) // Диалог со временем. 2020. № 70. С. 139–156.

⁵¹ Флоровский А. В. Историки в Польше... С. 6.

⁵² См. об этом: Досталь М. Ю. Из переписки В. А. Францева (Письмо В. А. Францева В. С. Иконникову, письма А. В. Флоровского В. А. Францеву // Славяноведение. 1994. № 4. С. 105; Волошина В. Ю., Груздинская В. С., Колеватов Д. М., Корзун В. П. Из двух углов... С. 262; Груздинская В. С. Международный конгресс исторических наук в Осло... С. 99.

ным и П. Ф. Преображенским. Как видим, в состав делегации на Варшавский конгресс вошли только историки-марксисты. В отличие от конгресса в Осло, здесь не было представителей старой генерации ученых. В материалах Оргкомитета конгресса, сохранившихся в Архиве РАН в фонде Комакадемии, зафиксированы также заявки на участие М. Н. Покровского, Г. С. Фридлянда, А. В. Шестакова, С. М. Дубровского, А. Д. Удальцова, С. С. Кривцова, В. Н. Максимовского, Г. С. Зайделя, С. Г. Томсинского, Н. П. Попова, Ф. И. Махарадзе, Л. П. Мамета⁵³. Последние публикации современных историков позволяют еще более расширить список предполагаемых участников. Так, С. О. Назаров, ссылаясь на протоколы заседания советской делегации от 2 августа 1933 г., незадолго до отъезда в Варшаву, пишет, что доклады на конгресс заявляли также Н. Н. Ванаг, С. Ф. Ольденбург, А. С. Ерусалимский⁵⁴. Заметим, что в многочисленных публикациях и отчетах о прошедшем конгрессе участники советской делегации ни разу не касались причин резкого сокращения ее первоначально намеченного состава. Отсутствие анализа внутривнутриполитической ситуации и ее влияния на положение науки отличало их оценки от построений А. В. Флоровского, четко акцентирующего политический контекст развития советской исторической науки.

На заседании 2 августа обсуждались не только вопросы численности делегации, но и степень готовности выступлений, характер и форма участия в работе конгресса. Н. М. Лукин⁵⁵ познакомил коллег с поступившей от руководства директивой про-явить «максимум активности в выступлениях по докладам, особенно по докладам методологического характера. По докладам историков-белоэмигрантов выступления не рекомендуются»⁵⁶. К сожалению, остается не выясненным, от кого исходили эти напутствия.

Советская делегация подала заявки на участие в пяти секциях — по методологии истории, новой и новейшей истории, средних веков и Византии, Восточной Европы и преподавания истории, и на заседание специальной комиссии по истории социальных движений⁵⁷. Несколько советских историков были включены в состав прези-

⁵³ АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 241. Л. 19–21.

⁵⁴ Назаров С. О. Советская делегация на VII Международном конгрессе исторических наук. Дискуссия: «Исторический материализм или исторический синтез» // Архивный поиск: Сборник научных статей и публикаций / Под ред. С. А. Лимановой. Вып. 5. М., 2022. С. 333–334.

⁵⁵ Лукин Николай Михайлович (1885–1940) — историк, академик АН СССР (1929), ответственный редактор журнала «Историк-марксист (1933–1938)». В 1938 г. арестован, исключен из состава АН СССР и приговорен к 10 годам лишения свободы. Умер в лагере. Реабилитирован в 1957 г.

⁵⁶ Назаров С. О. Советская делегация на VII Международном конгрессе... С. 333.

⁵⁷ Специальная комиссия по истории социальных движений при Международном историческом комитете была создана по инициативе советских историков. С предложением о создании такой комиссии выступил М. Н. Покровский на пленуме Международного комитета в Лондоне (1930). Предложение мотивировалось слабой разработанностью проблем, связанных с изучением истории рабочего класса и крестьянства и недоступностью для исследователей большинства архивных материалов. На следующем пленуме Международного комитета (Гаага, 1932) был согласован список членов комиссии. В него, по предложению советской стороны включили видных европейских (Х. Кут, С. Бугле, Ж. Буржен, Ж. Лефевр, С. Вебб, Л. Готтшальк, М. Ленц и др.) и советских (В. П. Волгин, Н. М. Лукин,

диумов секций. Так, Н. С. Державин входил в президиум секции Восточной Европы, Н. М. Лукин — новой и новейшей истории, В. П. Волгин был избран в президиум конгресса⁵⁸.

Членами советской делегации были прочитаны следующие доклады: «Колониальная политика царского самодержавия в Польше» (П. О. Горин), «От Бабефа к Марксу» (В. П. Волгин), «Первый Интернационал и Парижская коммуна» (Н. М. Лукин), «Русско-японская война и ее влияние на образование Антанты» (П. Ф. Преображенский), «Славяне и Византия в VI веке» (Н. С. Державин), «История заводов СССР» (А. М. Панкратова)⁵⁹.

Зададимся вопросом, как позиционировала себя советская делегация и какой она представлена в самоописаниях после конгресса? Как отмечал В. П. Волгин, главной задачей советские историки считали противопоставление «методологическому хаосу, идеалистическим установкам современной буржуазной историографии строгих методологических принципов исторического материализма и выяснение тех перспектив, которые открывает перед наукой применение марксистско-ленинского метода»⁶⁰. Так же, как и в случае историков-эмигрантов, вглядываясь в зеркало конгресса, советские авторы видят себя положительными героями, а отраженный образ советской науки окрашен исключительно в светлые тона.

Остановимся на двух сюжетах, связанных с оценкой советскими делегатами своих антагонистов историков-эмигрантов и буржуазной науки как таковой в ее методологических поисках. В отчетах они настаивали на том, что единственной представительницей отечественной исторической науки была именно советская группа. Вскользь упоминая делегатов-эмигрантов, советские историки подчеркивали, что они не представляли единой делегации и присутствовали на конгрессе лишь поскольку являлись профессорами тех или иных европейских университетов и представляли, таким образом, национальную науку стран проживания⁶¹. По свидетельству Н. М. Лукина и А. М. Панкратовой, эмигранты не решались на скандальную политическую полемику с советской делегацией, ибо среди них, за исключением М. И. Ростовцева, не было «маститых» специалистов (П. Б. Струве, Б. С. Миркина-Гецевича, братьев А. М. и Е. М. Кулищеров и др.), и только один раз они «разрешили себе беззубую брань по нашему адресу»⁶² на банкете, устроенном в «Русском доме» в Варшаве. Отказ от политических выпадов со стороны оппонентов расценивался как признание превосходства советской делегации. Между тем, отсутствие открытого противостояния отнюдь не означало примирения двух ветвей русской науки.

Что касается портрета «буржуазной» науки, то в ее оценке участниками советской делегации можно выделить несколько характерных черт. Во-первых, отмечалась дроб-

А. М. Панкратова, Н. Н. Ванаг, В. М. Далин и Г. С. Зайдель) историков, занимающихся данной проблематикой. Первое заседание комиссии было намечено провести во время работы Варшавского конгресса (Международная комиссия по истории социальных движений // Историк-марксист. 1933. № 1. С. 158).

⁵⁸ Назаров С. О. Советская делегация на VII Международном конгрессе... С. 335.

⁵⁹ Панкратова А. Седьмой международный конгресс... С. 15.

⁶⁰ Волгин В. Методологическая дискуссия на Варшавском конгрессе // Борьба классов. 1933. № 10. Октябрь. С. 24.

⁶¹ Панкратова А. Седьмой международный конгресс... С. 12.

⁶² Лукин Н. VII Международный исторический конгресс... С. 121.

ность, фрагментированность тематики, «полное отсутствие широких, обобщающих тем, больших научных проблем»⁶³. К мелкотемью, в частности, был отнесен доклад М. И. Ростовцева. По заключению, Н. М. Лукина, историк «не дал сколько-нибудь обобщающего, интересного для широких слоев историков, доклада. Его сообщение касалось малодоступных для неспециалистов результатов раскопок на Ефрате»⁶⁴. Во-вторых, подчеркивалось неадекватное понимание научной актуальности. В советской версии «актуальность научной проблемы» связывалась с политической сообразностью, «седая древность» вызывала иронию. Показательно в этом плане выступление Н. М. Лукина перед слушателями Института истории Комкадемии, который ссылаясь на нелепую, с его точки зрения, формулировку названия доклада французского историка Шарля Дилиа — «Актуальные проблемы истории Византии». В публикации выступления Лукина это название сопровождается ремаркой «Смех»⁶⁵. В-третьих, отмечались теоретическая несостоятельность, идеализм риккертского толка, установка на борьбу с историческим материализмом, попытки «взять в штыки» теорию марксизма разработкой теории исторического синтеза. Советские ученые сетовали на отсутствие на конгрессе открытых дискуссий между различными историческими школами и течениями. Прения, по замечанию А. М. Панкратовой, редко носили «принципиальный характер, вскрывающий идеологическое различие позиций и мировоззрения»⁶⁶. И как итог, не утешительный приговор: «...нужно говорить не о сумерках буржуазной науки, а о ее загнивании», тесно связанном с мировым кризисом⁶⁷.

Самооценка работы советской делегации в отчетах и выступлениях перед научной публикой, публикациях информационно-аналитических статей, посвященных VII конгрессу, существенно отличается от ее восприятия эмигрантской прессой, где принижалась научная значимость советских докладов и подчеркивался их агитационно-пропагандистский характер. В противовес оценке Флоровского, и Лукин, и Панкратова, и Волгин отмечают огромный интерес к докладам советских авторов и со стороны «конгрессистов», и со стороны польской общественности.

И все же элемент самокритики у членов советской делегации был выше в сравнении с историками-эмигрантами. Это проявилось и в констатации малочисленности делегации, и в случайности представленных исторических дисциплин, в выраженном сожалении, что не все задуманное удалось осуществить. Н. М. Лукин писал, что «нам не мешало бы иметь в своей среде крупного знатока архивного дела, ибо в соответствующей секции конгресса ставился вопрос об обмене архивными материалами между отдельными государствами; не мешало бы иметь и этнографа, который сражался бы с попами в колониальной секции, нужно бы было иметь и медиевиста и <...> еще одного специалиста по истории международных отношений»⁶⁸. Ввиду отсутствия ряда зарубежных докладчиков, в частности по методологии истории, не состоялось большинство задуманных выступлений в прениях, где советские историки готовы были «дать бой», отстаивая марксистскую методологию. «Шесть революционных марксистов при всей их актив-

⁶³ Лукин Н. VII Международный исторический конгресс... С. 121.

⁶⁴ Лукин Н. VII Международный исторический конгресс... С. 121.

⁶⁵ Лукин Н. VII Международный исторический конгресс... С. 122.

⁶⁶ Панкратова А. Седьмой международный конгресс... С. 9.

⁶⁷ Лукин Н. VII Международный конгресс... С. 126.

⁶⁸ Лукин Н. VII Международный исторический конгресс... С. 127.

ности ни в какой мере не могли развернуть должной критики тех буржуазных установок, которые давались в докладах во всех 15 секциях и 13 группах, работавших притом одновременно»⁶⁹, — вынуждена была констатировать А. М. Панкратова.

Отметим, что представители советской делегации с гордостью сообщают об использовании ими активной популяризаторской стратегии, характерной для «новой советской науки» — «науки для народа». Они выступили не только перед участниками конгресса, но и перед широкой публикой в рабочем кооперативном товариществе в Желибуже (пригород Варшавы). Рабочей публике было представлено три доклада: «Маркс как историк» (Н. М. Лукин), «Академия наук и социалистическое строительство» (В. П. Волгин), «История пролетариата СССР» (А. М. Панкратова)⁷⁰.

Подводя итоги, вернемся к проблеме диалога между советскими и эмигрантскими историками, поставленной нами в начале статьи. Все вышеизложенное, на наш взгляд, свидетельствует о наличии взаимного интереса, хотя продуктивного диалога на Варшавском конгрессе не состоялось, как не состоялось и провокативного диалога, случившегося в Осло. Во-первых, пропорция «шесть на пять», а именно так в количественном отношении были представлены обе стороны, не могла отражать реального потенциала эмигрантской и советской науки. Во-вторых, малочисленность представительства свидетельствовала о сложном и противоречивом этапе развития исторической науки в начале 1930-х годов как в советском, так и эмигрантском вариантах. Мировой кризис существенным образом сказался на экономическом и правовом положении и усложнил интеграцию ученых-эмигрантов в науку стран проживания. В свою очередь, оформление советской науки сопровождалось ее жестким государственным регулированием, политизацией, усиленным репрессивным давлением, приведшим к значительному обескровливанию научного сообщества. Нельзя не учитывать естественный процесс старения и ухода из жизни представителей старой генерации ученых-историков, что для Зарубежья имело практически необратимый характер. Принципиально важно учитывать, и это в-третьих, внешнеполитический контекст развития мировой науки, характеризующийся нарастающим процессом фашизации политической жизни в ряде стран, что с тревогой констатировали участники конгресса в Варшаве. Они призывали, с одной стороны, к единению и бесконфликтности, а с другой, не могли не фиксировать нарастание националистических планов, в том числе, в Германии, Италии и Польше. Эта двойственность и неопределенность в ожидании неясного будущего позволяет определить сложившуюся атмосферу — не будем ссориться — на конгрессе в Варшаве как «коммуникативное плато».

Информация о статье:

Авторы: Волошина, Валентина Юрьевна — доктор исторических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, Orc ID 0000-0002-8416-3493, SPIN-код 1342-5640, Author ID 250128; e-mail: valvoloshina@rambler.ru
Корзун, Валентина Павловна — доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, Orc ID 0000-0003-1868-1628, Scopus ID 57194873961, Researcher ID AAR-6383-2021, SPIN-код 9106-4657, Author ID 75386; e-mail: korzunv@mail.ru

⁶⁹ Панкратова А. Седьмой международный конгресс... С. 16.

⁷⁰ Панкратова А. Седьмой международный конгресс... С. 16.

Заглавие: Шесть на пять: Советские и эмигрантские историки на VII Международном конгрессе исторических наук

Резюме: В фокусе внимания авторов статьи — диалог между эмигрантскими и советскими историками на Международном историческом конгрессе, состоявшемся в Варшаве в августе 1933 г. Это был первый конгресс, проводившийся в славянской стране. Основные источники исследования — отчеты и доклады участников конгресса, представленные в виде публикаций в советских научных изданиях («Историк-марксист», «Борьба классов»), в эмигрантской периодике («Россия и славянство»), в зарубежных европейских обзорах («Revue historique de droit français et étranger»). Привлечены также документы делопроизводства из фонда Института истории Комкадемии. Советская делегация была представлена шестью участниками, эмигрантские историки — пятью, причем они входили в состав национальных делегаций стран проживания. В документах зафиксирован взаимный интерес сторон, который проявился в наблюдении друг за другом. Источники позволяют выявить особенности самоописаний и презентации себя перед мировым научным сообществом и увидеть сконструированный корпоративный портретах ученых глазами друг друга. Сделан вывод об отсутствии открытого, продуктивного диалога между сторонами. В то же время отмечено, что не состоялся и провокативный диалог. Делегации, представлявшие обе стороны, в количественном отношении были малочисленны и не могли отражать реального потенциала эмигрантской и советской науки. Малочисленность представительства свидетельствовала о сложном и противоречивом этапе развития исторической науки в начале 1930-х годов как в советском, так и эмигрантском вариантах. Мировой кризис существенным образом сказался на экономическом и правовом положении и усложнил интеграцию ученых-эмигрантов в науку стран проживания. В свою очередь, оформление советской науки сопровождалось жестким государственным регулированием, приведшим к значительным проблемам в научном сообществе. Авторы статьи характеризуют сложившуюся атмосферу на конгрессе в Варшаве как «коммуникативное плато», что было связано с усложняющейся международной обстановкой начала 1930-х годов.

Ключевые слова: Международный конгресс исторических наук, Варшава, историческая наука, историки-эмигранты, советские историки, научный диалог

Литература, использованная в статье:

Аксенова, Елена Петровна. Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А. В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940 / Под общ. ред. акад. Е. П. Чельшова и проф. Д. М. Шаховского. Москва: Наследие, 1994. С. 95–100.

Аксенова, Елена Петровна. Восприятие в СССР науки русского зарубежья в 1920–1930-е годы // Славянский альманах: 1996. Москва: Индрик, 1997. № 3/13. С. 130–142.

Аксенова, Елена Петровна. Федерация исторических обществ Восточной Европы и русские ученые-эмигранты // Славянский альманах: 2013. Москва: Индрик, 2014. С. 232–250.

Бочарова, Зоя Сергеевна. Феномен зарубежной России 1920-х годов. Санкт-Петербург, 2021. 408 с.

Волошина, Валентина Юрьевна; Груздинская, Виктория Сергеевна; Колеватов, Дмитрий Михайлович; Корзун, Валентина Павловна. Из двух углов: Отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.). Омск: Омский государственный университет, 2020. 336 с.

Волошина, Валентина Юрьевна; Корзун, Валентина Павловна. Советская историческая наука в осмыслении А. В. Флоровского (1920–1930-е гг.) // Диалог со временем. Москва: Аквилон, 2020. № 70. С. 139–156.

Волошина, Валентина Юрьевна; Корзун, Валентина Павловна. «Ответственные редакторы журналов по природе своей невыносимые существа». Письмо М. Блока А. В. Флоровскому. 1933 г. // Исторический архив. Москва: РОСПЭН, 2022. № 4 (175). С. 105–113.

Груздинская, Виктория Сергеевна. Международный конгресс исторических наук в Осло как коммуникативная площадка советских и эмигрантских ученых // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 97–103. DOI 10.24147/2312-1300.2021.8(2).155-167.

Дмитриев, Александр Николаевич. От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э. И. Колчинского, Д. Байрау, Ю. А. Лайус. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007. С. 32–56.

Досталь, Марина Юрьевна. Из переписки В. А. Францева. Письмо В. А. Францева В. С. Иконникову, письма А. В. Флоровского В. А. Францеву // Славяноведение. 1994. № 4. С. 102–107.

Досталь, Марина Юрьевна. Российские историки-эмигранты и советские слависты: Проблема взаимоотношений // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии: Сборник статей / Под ред. Марины Юрьевны Досталь. Москва: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 80–89.

Мохначева, Марина Петровна. Советская историческая наука на международных научных форумах: Истоки несостоявшегося диалога // Советская историография / Под общ. ред. акад. Ю. Н. Афанасьева. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. С. 78–123.

Назаров, Сергей Олегович. Советская делегация на VII Международном конгрессе исторических наук. Дискуссия: «Исторический материализм или исторический синтез» // Архивный поиск / Под ред. С. А. Лимановой. Вып. 5. Москва: Архив РАН, 2022. С. 331–338. DOI 10.54967/978-5-6046932-2-3_2022_5_21.

Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Под ред. Э. И. Колчинского. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. 1039 с.

Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989 / Научн. ред. О. С. Нагорная. Москва: Политическая энциклопедия. 2008. 446 с.

Erdmann, Karl Dietrich. Die Ökumene der Historiker. Geschichte der Internationalen Historikerkongresse und des Comité International des Sciences Historiques. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1987. 492 p.

Information about the article

Authors: Voloshina, Valentina Yurievna — Dr. Sc. in History, Associate Professor, F. M. Dostoevskiy Omsk State University, Omsk, Russia, Orc ID 0000-0002-8416-3493, SPIN-code 1342-5640, Author ID 250128; e-mail: valvoloshina@rambler.ru

Korzun, Valentina Pavlovna — Dr. Sc. in History, Professor, F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, Orc ID 0000-0003-1868-1628, Scopus ID 57194873961, Researcher ID AAR-6383-2021, SPIN-code 9106-4657, Author ID 75386; e-mail: korzunv@mail.ru

Title: Six by five: Soviet and emigrant historians at the 7th International congress of historical sciences

Summary: The focus of the authors' attention is the dialogue between emigrant historians and their Soviet colleagues during the International historical congress that was held in Warsaw in August 1933. It was the first congress that took place in a Slavic country. The main sources of research are the reports and accounts of the participants of the congress, presented in the form of publications in Soviet scientific magazines («Historian-Marxist», «Class Struggle»), in emigrant periodicals («Russia and Svadom») and in European reviews («Revue historique de droit français et étranger»). The authors also use paperwork documents from the Foundation of the Institute of History of the Comacademy. The Soviet delegation consisted of six members, while there were five emigrant scientists, who were at the same time members of national delegations of other countries where they were living. The common interest of both sides, which appeared behind the congress venues, was recorded, the features of self-descriptions and presentations and self-presentation to the world scientific community were revealed. The constructed corporate portraits of each other were demonstrated. The conclusion was made that there was not a constructive dialogue between different sides. At the same time it was noted that there was not a provocative dialogue either, like one that occurred during the congress at Oslo. The reasons for this stagnation were identified. The authors of this article characterize prevailing atmosphere at the congress (let's not quarrel) as «communicative plateau», that was connected with the increasingly complicated international situation of the early thirties.

Keywords: International congress, Warsaw, historical science, emigrant historians, soviet historians, scientific dialogue

References:

- Aksenova, Elena Petrovna. Federaciya istoricheskikh obshhestv Vostochnoy Evropy i russkie uchenye-emigranty [Federation of Eastern European Historical Societies and Russian immigrant scientist], in *Slavyanskiy al'manakh: 2013* [*Slavic Almanac: 2013*]. Moscow: Indrik Publ., 2014. Pp. 232–250. (in Russian).
- Aksenova, Elena Petrovna. Istoricheskaya nauka SSSR i russkogo zarubezhya v ocnke A. V. Florovskogo [Historical science of the USSR and Russian emigre community in assessment of A. V. Florovsky], in *Kul'turnoye naslediyе rossiyskoy emigratsii: 1917–1940* [*Cultural heritage of Russian emigration: 1917–1940*]. Ed. by E. P. Chelyshev and Prof. D. M. Shakhovskiy. Moscow: Heritage Publ., 1994. Pp. 95–100. (in Russian).
- Aksenova Elena Petrovna. Vospriyatiye v SSSR nauki russkogo zarubezhya v 1920–1930-e gody [Perception in the USSR of the science of Russian emigre community in the 1920–1930s], in *Slavyanskiy al'manakh: 1996* [*Slavic Almanac: 1996*]. Moscow: Indrik Publ., 1997. No. 3/13. Pp. 130–142. (in Russian).

- Bocharova, Zoya Sergeevna. *Fenomen zarubezhnoy Rossii 1920-h godov*. [The phenomenon of foreign Russia of the 1920s.] Saint Petersburg: Aleteya Publ., 2021. 408 p. (in Russian).
- Dmitriyev, Alexander Nikolayevich. Ot akademicheskogo internaytsionalizma k sisteme natsional'no-gosudarstvennoy nauki. [From academic internationalism to the system of national-state science], in *Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoy mirovoy voyny* [Science, technology and society in Russia and Germany during the First World War]. Ed. by E. I. Kolchinsky, D. Bayrau, J. A. Layus. St. Petersburg: Nestor-History Publ., 2007. Pp. 32–56. (in Russian).
- Dostal', Marina Yurievna. Iz perepiski V. A. Franceva. Pis'mo V. A. Franceva V. S. Ikonnikovu, pis'ma A. V. Florovskogo V. A. Francevu. [From the correspondence of V. A. Frantsev (Letter of V. A. Frantsev to V. S. Ikonnikov, letters of A. V. Florovsky to V. A. Frantsev), in *Slavyanovedeniye* [Slavic studies]. 1994. No. 4. Pp. 102–107. (in Russian).
- Dostal', Marina Yurievna. Rossiyskiye istoriki-emigranty i sovetskie slavisty: Problema vzaimootnosheniy. [Russian emigre historians and Soviet Slavists: The problem of relations], in *Rossiyskiye uchenyye-gumanitarii v mezhvoyennoy Chekhoslovakii* [Russian humanitarian scholars in interwar Czechoslovakia]: Collected articles. Ed. by M. Yu. Dostal. Moscow: Institute of slavic studies of the Russian academy of sciences Publ., 2008. Pp. 80–89. (in Russian).
- Erdmann, Karl Dietrich. *Die Ökumene der Historiker. Geschichte der Internationalen Historikerkongresse und des Comité International des Sciences Historiques* [The Ecumenism of Historians. History of the International Congresses of Historians and the Comité International des Sciences Historiques]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1987. 492 p. (in German).
- Gruzdinskaya, Victoria Sergeevna. Mezhdunarodnyy kongress istoricheskikh nauk v Oslo kak kommunikativnaya ploshhadka sovetskih i emigrantskih uchenykh [International Congress of Historical Sciences in Oslo as a communication platform of Soviet and emigre scholars], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University: History]. 2021. № 71. Pp. 97–103. DOI 10.24147/2312-1300.2021.8(2). 155-167. (in Russian).
- Mokhnacheva, Marina Petrovna. Sovetskaya istoricheskaya nauka na mezhdunarodnykh nauchnykh forumah: Istoki nesostoyavshegosya dialoga [Soviet historical science in international academic forums: The origins of an unsuccessful dialogue], in *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet Historiography]. Ed. by N. Afanasyev. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 1996. Pp. 78–123. (in Russian).
- Nazarov, Sergey Olegovich. Sovetskaya delegatsiya na VII Mezhdunarodnom kongresse istoricheskikh nauk. Diskussiya: «Istoricheskiy materializm ili istoricheskiy sintez». [The Soviet delegation to the VII International congress of historical sciences. Discussion: «Historical materialism or historical synthesis»], in *Arkhivnyy poisk* [Archival Search]. Ed. by S. A. Limanova. Vol. 5. Moscow: Archive of the Russian academy of sciences Publ., 2022. Pp. 331–338. DOI 10.54967/978-5-6046932-2-3_2022_5_21. (in Russian).
- Nauka i krizisy: Istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises: Historical and comparative essays]. Ed. by E. I. Kolchinsky. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 1039 p. (in Russian).
- Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyah Holodnoy voyny. 1945–1989* [Soviet cultural diplomacy in conditions of the Cold War: 1945–1989]. Ed. by O. S. Nagornaya. Moscow: Politicheskaya enciklopediya Publ., 2008. 446 p. (in Russian).
- Voloshina, Valentina Yurievna; Gruzdinskaya, Victoria Sergeevna; Kolevatov, Dmitry Mikhailovich; Korzun, Valentina Pavlovna. *Iz dvuh uglov: Otechestvennyy istoriograficheskiy process v otsenke emigrantskih i sovetskih istorikov (1920–1930-e gg.)* [From two corners: The domestic historiographical process in the assessment of emigrant and Soviet historians (1920s–1930s)]. Omsk: Omsk State University Publ., 2020. 336 p. (in Russian).
- Voloshina, Valentina Yurievna; Korzun, Valentina Pavlovna. «Otvetsvennyye redaktory zhurnalov po prirode svoey neynosimye sushhestva». Pis'mo M. Bloka A. V. Florovskomu. 1933 g. [«Responsible journal editors are by nature intolerable creatures». Letter from M. Blok to A. V. Florovsky. 1933], in *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2022. No. 4 (175). Pp. 105–113. (in Russian).
- Voloshina, Valentina Yurievna; Korzun, Valentina Pavlovna. Sovetskaya istoricheskaya nauka v osmyslenii A. V. Florovskogo (1920–1930-e gg.) [Soviet Historical Science in the Understanding of A. V. Florovsky (1920s – 1930s)], in *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. Moscow: Aquilo-Press Publ., 2020. No. 70. Pp. 139–156. DOI 10.21267/AQILO.2020.70.56442. (in Russian).